

THE HEBREW UNIVERSITY
OF JERUSALEM

ЕВРЕЙСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ
В ИЕРУСАЛИМЕ

SAINT PETERSBURG
STATE UNIVERSITY

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

JUDAICA PETROPOLITANA

Scholarly Journal
Научно-теоретический журнал

№ 2 2014

Jerusalem — St. Petersburg
5775

Иерусалим — Санкт-Петербург
2014

Академия
Исследования Культуры

JUDAICA PETROPOLITANA

Editorial Council:

H. Ben-Shammai (Jerusalem), B. Chiesa (Turin), A. Dykman (Jerusalem), P. Fenton (Paris), D. Fishman (New York), R. Sh. Ganelin (St. Petersburg), S. Goldin (Jerusalem), V. E. Kelner (St. Petersburg), G. Khan (Cambridge), A. B. Kovelman (Moscow), J. Nom de Dieu (Madrid), A. Rofe (Jerusalem), D. E. Rozenzon (Moscow/Jerusalem), S. Ruzer (Jerusalem), S. Stampfer (Jerusalem).

Editorial Board:

Editors-in-chief: C. Aslanov (The Hebrew University of Jerusalem), I. R. Tantlevskij (St. Petersburg State University).

Editor: I. Lurie (The Hebrew University of Jerusalem).

Executive secretaries: M. Berkovich (The Hebrew University of Jerusalem), E. S. Norkina (St. Petersburg State University), V. V. Fedchenko (St. Petersburg State University).

Technical secretary: N. M. Kuznetzova (St. Petersburg State University).

Редакционный совет:

Х. Бен-Шаммай (Иерусалим), Р. Ш. Ганелин (Санкт-Петербург), С. Гольдин (Иерусалим), А. Дикман (Иерусалим), В. Е. Кельнер (Санкт-Петербург), А. Б. Ковельман (Москва), Б. Кьеза (Турин), Х. Ном де Дьу (Мадрид), А. Рофэ (Иерусалим), Д. Е. Розензон (Москва/Иерусалим), С. Рузер (Иерусалим), П. Фентон (Париж), Д. Фишман (Нью-Йорк), Г. Хан (Кембридж), С. Штампфер (Иерусалим).

Редакционная коллегия:

Главные редакторы: С. Асланов (Еврейский университет в Иерусалиме); И. Р. Тантлевский (Санкт-Петербургский государственный университет).

Редактор: И. Лурье (Еврейский университет в Иерусалиме).

Исполнительные секретари: М. Беркович (Еврейский университет в Иерусалиме); Е. С. Норкина (Санкт-Петербургский государственный университет); В. В. Федченко (Санкт-Петербургский государственный университет).

Технический секретарь: Н. М. Кузнецова (Санкт-Петербургский государственный университет).

All contributions submitted to *Judaica Petropolitana* are peer-reviewed
Все публикуемые в журнале *Judaica Petropolitana* статьи проходят экспертную оценку

Издание номера подготовлено при поддержке
Российского Еврейского Конгресса.

СОДЕРЖАНИЕ

Исследования

- В. Е. Кельнер.** Барьер: М. М. Винавер и еженедельник «Еврейская трибуна».....5
- В. Лукин.** Наполеоновские войны и российские евреи: 200 лет памяти.....33
- О. Ю. Минкина.** Семейные конфликты и семейные истории евреев в российских делопроизводственных документах начала XIX в. 51
- А. В. Зорницкий.** Западноукраинские диалектные заимствования в сборнике рассказов Йосифа Бурга «на Черемоше» 71

Рецензии

- Vassili Schedrin.** At Home In Russia [Rev. of: Glants, Musya. Where is My Home? The Art and Life of the Russian Jewish Sculptor Mark Antokolsky, 1843-1902. Lanham, MD: Lexington Books, a division of Rowman & Littlefield Publishers, 2010] 86
- Ю. Рец.** Хаим Житловский — теоретик секулярного еврейского национализма [Рец. на: K. Schweigmann-Greve. Chaim Zhitlowsky: Philosoph, Sozialrevolutionär und Theoretiker einer säkularen nationaljüdischen Identität. Hannover: Wehrhahn, 2012].....91

Публикации и переводы

- «Новости»: Дневник Хаима Авраама Шапира из Могилева (1873–1917).
Редакция рукописи и примечания: Д. Асаф.
Вводная статья: А. Литин, Д. Харув 98
- Приложение. Завещания автора дневника (1910–1917) 153

דוד אסף. 'ובאותו קיץ נתהוו כמה חדשות בעירנו': יומנו של חיים אברהם שפירא (1873–1917).....ב

יומנו של חיים אברהם שפירא ממוהילב. ההדיר מכתב היד והוסיף הערות דוד אסף.....ו

נספח. צוואותיו של חיים אברהם שפירא (1910–1917).....ג

О. Ю. Минкина, olga-minkina@yandex.ru

СЕМЕЙНЫЕ КОНФЛИКТЫ И СЕМЕЙНЫЕ ИСТОРИИ ЕВРЕЕВ В РОССИЙСКИХ ДЕЛОПРОИЗВОДСТВЕННЫХ ДОКУМЕНТАХ НАЧАЛА XIX В.

Резюме: Статья посвящена семейным конфликтам, выносившимся евреями на рассмотрение государственных судебных учреждений: имущественным спорам между родственниками, тяжбам о подлинности завещания и разделе наследства, о возвращении приданого после развода. Документы по таким делам содержат ценный материал о повседневной жизни евреев того периода, о восприятии и репрезентации семейной вражды как самими евреями, так и представителями власти, о причинах разводов и внутрисемейных раздоров. Они также показывают, как в разных случаях могло отличаться отношение общества к внебрачной связи, вражде детей с родителями, семейному насилию. Рассмотренные случаи характеризуют социальное пространство, сформированное конфликтами и компромиссами между отдельными евреями, общиной и властями. Источники, использованные в статье, впервые вводятся в научный оборот.

Ключевые слова: семья, конфликт, судебный процесс, община, власть, Российская империя, повседневная жизнь, развод, наследство, имущество.

Olga Minkina

INTRA-FAMILY CONFLICTS AND FAMILY STORIES OF EARLY 19TH CENTURY RUSSIAN JEWS IN GOVERNMENTAL DOCUMENTATION

Abstract: This article is based on previously unknown archival sources. The author discusses some legal cases: conflicts over divorce, inheritance and property rights. These documents contain invaluable material about Jewish domestic life, its perception and representation by court officials and Jewish litigants, as well as causes of marital breakdown and roots of intra-family conflicts. These cases demonstrate a multiple

factors of domestic strife and flexibility of social norms in cases of extra-marital affairs, abuse, deception, rebellious children. By studying the struggle and negotiations between family members, individuals, community and governmental institutions, the author tries to describe the social space formed by the actors themselves.

Keywords: family, conflict, litigation, community, authorities, Russian Empire, everyday life, divorce, inheritance, property.

Среди евреев Российской империи в первые десятилетия XIX в. были и такие, кто, несмотря на традиционное недоверие к «нееврейскому суду», выносил на рассмотрение имперских судебных учреждений семейные конфликты¹: имущественные споры между родственниками, вопросы о подлинности завещания и разделе наследства, о возвращении приданого после развода. Полномочия раввинского суда были формально ограничены имперским законодательством², но, поскольку евреям было разрешено учреждение третейских судов, в документах, адресованных евреями российским властям, решения бет-дина могли фигурировать как «третейские». В российских делопроизводственных документах деятельность раввинского суда также описывалась как исполнение «еврейского закона», «обрядов религии» и т. п. Существовали также посредники, решавшие бытовые и имущественные споры. Такие посредники не обязательно принадлежали к ученой элите. Возможно, именно они могли в ряде случаев подразумеваться в документах под «третейским» («компромиссарским») судом. Кагал нередко прямо вторгался в сферу полномочий бет-дина или, по крайней мере, мог влиять на него. При обращении в нееврейский суд евреи апеллировали как к имперскому законодательству, так и нормам, продолжавшим действовать в Западном крае: Литовскому статуту, магдебургскому праву, польским конституциям³, иногда прямо противопоставляя их еврейским нормам и практикам.

Особенно интересны автобиографические нарративы в прошениях

---

¹ Специальных исследований о частной жизни евреев Российской империи первых десятилетий после разделов Речи Посполитой, насколько мне известно, нет. Имеющиеся работы по теме в основном посвящены Польше до разделов или более позднему периоду. Об общей проблематике и историографии вопроса см.: *Фриз Ш. Р.* Еврейская семья в России // *История еврейского народа в России. От разделов Польши до падения Российской империи.* Т. 2. М., 2012. С. 241–264. См. также: *Штамффер Ш.* Семья, школа и раввины у евреев Восточной Европы. М., 2014; *Соболевская О. А.* Повседневная жизнь евреев Беларуси в конце XVIII-первой половине XIX вв. Гродно, 2012; *Freeze Ch.R.* Jewish Marriage and Divorce in Imperial Russia. Hanover, N. H., 2002; *Goldberg J.* Jewish Marriage in Eighteen-Century Poland // *Polin.* 1997. Vol. 10. P. 3–39.

² Указом 7 мая 1786 г. (ПСЗ 1. Т. XXII. 16391) и затем Положениями о евреях 1804 и 1835 гг.

³ О разнообразии правовых практик см.: *Левитац И.* Еврейская община в России (1772–1917). М., 2013. С. 197–214

и записях показаний. Вопрос о том, насколько «еврейскими» были эти тексты, связан с общей оценкой уровня грамотности и владения языками еврейского населения того времени⁴. Часто для составления прошений нанимали русского, поляка или знающего по-русски еврея. Подписываться могли как по-русски, так и по-польски или на иврите, а также по-русски, но еврейскими буквами. Особый интерес представляет ситуация с женщинами: одни могли самостоятельно написать прошение на русском языке, другие могли подписаться на иврите, третьи были абсолютно неграмотны. Владение письменной речью не всегда коррелировало с принадлежностью к высшим слоям еврейского общества: в этой среде встречались и мужчины, не знавшие письменного русского (хотя при этом они могли занимать должности в органах городского самоуправления или выступать в роли официальных представителей еврейских общин), и женщины, не знавшие никакой грамоты, и лица обоего пола, владевшие как еврейскими, так и европейскими языками. Заслуживают внимания и языковые особенности текстов: гебраизмы в ашкеназском произношении, отдельные слова на идише, прямые кальки с еврейских языков, полонизмы.

Прошение «копской мещанки» Гнеси Израилевой министру внутренних дел А. Б. Куракину 30 октября 1809 г. было написано по ее просьбе секретарем магистрата Е. Ф. Дорошевичем «из белорусского шляхетства»⁵. В прошении рассказывалось о том, как Гнеся из-за жестокости и коварства мужа лишилась «пристанища и пропитания». Ее муж, Мовша Гамшеевич из местечка Толочин, получил за ней в приданое чetyреста злотых, «жемчужный убор», одежду и вещи, а задумав с ней развестись «деньги мои употребив на собственные свои надобности и забрав всю мою одежду, убор с имуществом, меня изгнав из дому почти науго и оставив без всякого пропитания и пристанища, подвергнув меня крайнему последствию, отчего я принужденною осталась отыскивать свою принадлежность первоначально посредством обыкновенного еврейского духовенства, от коего по согласию обоих нас последовало третейское решение, дабы сей муж мой заплатил мне 6 августа 1806 года 570 z[łoty]ch] деньги и возвратил бы сундук со всеми забранными им вещами и пред таковым же возвратом учинил бы того же времени законную присягу о неустойке, имея из оных ничего, да на пропитание дал бы навсегда [в] неделю по 1 z[łoty]m] 50 k[op groszy], а по выполнении им же всего того имею я получить от него развод, а в случае невыполнения им того решения, имеет дом его, в Толочине состоящий, поступить во владение»⁶.

Решение бет-дина по делу Г. Израилевой было утверждено в копском магистрате, но Мовша Гамшеевич, «к сугубой обиде» жены, якобы сговорился со своим шурином Янкелем Линьковичем, который затем представил

⁴ О ситуации с грамотностью евреев см.: *Штамнфер Ш.* Семья, школа и раввины... С. 182–229.

⁵ РГИА. Ф.1284. Оп.3. Кн. 71. 1809. Д.402. Л. 3 об.

⁶ Там же. Л.1

в Могилевское губернское правление закладную на пятьсот золотых, выданную ему Гамшеевичем. Просительница не забыла указать, что денежное обязательство Линьковича было оформлено на «еврейском диалекте» (т. е. на иврите или идише) и не на гербовой бумаге, следовательно, не имело юридической силы. Тем не менее, возможно, не без воздействия со стороны заинтересованных лиц, губернским правлением было принято решение удовлетворить иск Линьковича деньгами от продажи дома Гамшеевича, который был уже присужден Израилевой. Самой Израилевой было предложено, как «сторонней покупательнице» приобрести дом. Поскольку губернские власти не признавали ее истицей и даже принудили подписать обязательство купить дом, а теперь грозили санкциями за неустойку, она обращалась с прошениями в третий апелляционный департамент Сената, к министру юстиции и, наконец, к самому императору. Последовавшее за этим обращение Израилевой к министру внутренних дел не имело никакого смысла, так как после обращения к высшей инстанции полагалось терпеливо ждать решения императора⁷.

Сходная история произошла с Марголисой, дочерью бывшего еврейского депутата Лейзера Диллона⁸. Здесь за дочь вступился отец. В прошении управляющему Виленской губернии П. В. Горну 29 марта 1823 г. он объяснял «странные» поступки своего зятя, Янкеля Жмудского из Видз, психическим заболеванием последнего. Янкель женился на дочери Диллона в 1822 г., то есть в то время, когда Диллон находился под следствием, и все его имущество было конфисковано. Тем не менее, он сумел обеспечить свою дочь приданым в две тысячи рублей серебром «с лишком». Не прошло и года, как «Жмудский по случаю его мелехолической болезни других нелепых поведениих без малейшей причины» отобрал у Марголисы приданое и прогнал ее, так что «она теперь скитается без всякого пропитания». Диллон просил выслать дочь и зятя в Вильно, чтобы они могли «в главном здешнем еврейском синагоге кончить все имеющиеся между ними супружеские споры», мотивируя свои требования отсутствием в Видзах компетентного раввинского суда⁹. П. В. Горн 11 апреля 1823 г. предписал брацлавскому земскому исправнику П. Кирикову срочно провести «розыскание, как о болезни и поступках вышесказанного еврея Жмудского, так и о собственности, принадлежащей дочери упомянутого Дилона»¹⁰. Но 26 апреля к исправнику явились с прошением Янкель Жмудский и Марголиса Диллон, уверяя, что после того, как «совершился по еврейскому обряду надлежащий развод», претензий друг к другу не имеют и просили

---

⁷ Там же. Л. 1 (резолуция А. Б. Куракина от 8 ноября 1809 г.)

⁸ Подробнее о нем см. *Минкина О. Ю.* Сыны Рахили. Еврейские депутаты в Российской империи. 1772–1825. М., 2011. С. 143–169, 174, 184, 192.

⁹ САНПР. НМ3/1015.01 (оригинал: LVIA, Ф.380. Оп.68. Д.430). Л. 1–1 об. Сердечно благодарю В. М. Лукина (The Central Archives for the History of the Jewish People, Иерусалим) за предоставленную копию данного дела.

¹⁰ Там же. Л. 3.

заведенное дело «уничтожить и придать вечному забвению»¹¹. Тогда как Я. Жмудский подписался по-польски, по просьбе М. Диллон, не владевшей никакой грамотой, за нее прошение подписал «виленский обыватель Исаак Си[найский]», который был в 1818 г. секретарем собрания, выбравшего еврейских депутатов.

Более основательно документировано другое дело о компенсации приданого. Липе Левит, женатый на Зисле, дочери Михеля Васберга из Житомира, задолжал шестнадцать тысяч рублей вдове арендатора Теме Лейбовой, которая жила в селе Больших Хойчах Овручского повета, а в 1816 г. переехала в Житомир¹². Жена Левита жаловалась, что как-то ночью он украл у нее головные украшения («мушки»), с жемчугом и бриллиантами¹³, и серебряные вещи и заложил их у Темы. Видимо, тогда же Левит стал любовником Темы, уверяя ее, что собрался развестись со своей женой и жениться на ней. С Зислей он действительно развелся, и, выманив у Темы заложенные вещи «под видом переделки на новый фасон», взял под поручительство Темы 250 рублей у «вексларя» (ростовщика) Аврума-Дувида Гальперина и той же ночью тайно уехал из Житомира. 31 июля 1817 г. Тема отправила мужа своей сестры Шаю Шмулюевича Гофмана жаловаться на Левита в первую житомирскую часть, а затем поручила тому же Гофману и Шмулю Мошковичу Динесу (бывшему поверенному Левита) разыскать ее сбежавшего любовника.

Хотя для Темы Лейбовой и ее родни бегство Липе Левита из Житомира оказалось полной неожиданностью, его брат, Герш Лейба Левит, знал, что он уехал в Дубно «для женитьбы»¹⁴ на Ривке, дочери местных обывателей Мошко и Иты Дрогобицких. Как впоследствии утверждала Ривка, он обманул ее родителей, выдав себя за армейского подрядчика¹⁵. «Выставив себя человеком честным и достаточным», Левит получил за Р. Дрогобицкой тысячу червонцев (три тысячи рублей серебром) приданого и серебряную утварь и украшения с жемчугом и бриллиантами на триста червонцев (девятьсот рублей серебром). Для Ривки это был не первый брак¹⁶, но была ли она к тому времени вдовой или разведенной, неясно. Наряду с ктубой, родители невесты заставили Левита подписать «эвикцию» (гарантию, залог) на приданое на всем своем движимом и недвижимом

¹¹ Там же. Л.5

¹² РГИА. Ф. 1345. Оп. 325. Д. 156. Л. 9 об., 10 об., 11, 34.

¹³ «Мушками» называли часть головного убора замужних евреек: подушечки, украшенные жемчугом и драгоценными камнями и крепившиеся по несколько штук над висками.

¹⁴ РГИА. Ф. 1345. Оп. 325. Д. 156. Л. 6 об.-7 об.

¹⁵ Там же. Ф. 1347. Оп. 65. Д. 1575. Л. 1–1 об. В июне 1814 г. Л. Левит покупал во Франкфурте столовое серебро (Там же. Оп. 64. Д. 795. Л. 83об.-84). Возможно, он и впрямь тогда оказался за границей вместе с российской армией, но подрядчиком, скорее всего, не являлся.

¹⁶ РГИА. Ф. 1347. Оп. 64. Д. 795. Л. 54–54 об.; Д. 909. Л. 31 об.

имуществе и зарегистрировать ее в дубенском, а затем и в житомирском магистрате, а также во втором департаменте Волынского Главного суда в августе-сентябре 1817 г.¹⁷ По словам же Левита, обманут был он сам: Мошко Дрогобицкий, «яко человек убогий, за своею дочерью...не только приданого, но и платья не дал»¹⁸, а «эвикционную запись» Левит подписал якобы «по незнанию...польской грамоты и никакой формальности», а узнав о подлоге, не обжаловал его в течении последующих пяти лет «по самой привязанности супружеской и в надежде сохранения навсегда дружбы и хорошего прожития» и надеясь, что спорное имущество достанется будущим детям¹⁹. После свадьбы, состоявшейся 6 августа 1817 г., с Левитом столкнулись Гофман и Динес. Левит то обещал вернуть драгоценности Теме Лейбовой, то «с суровостью» отрицал, что брал у нее деньги под залог и, наконец, обещал вернуть долг по возвращении в Житомир²⁰.

Прибыв к мужу в Житомир, Ривка Дрогобицкая обнаружила, что деревянный дом Левита на Бердичевской улице не стоит и половины ее приданого. По ее словам, муж «обходясь» с ней «обидно, запутывался в долги, до того даже, что займодавцы его, ежедневно почти стекаясь в дом, лучшие вещи и приборы из оного начали забирать и выносить»²¹. В субботу, 30 августа 1817 г., Шая Гофман столкнулся в Ривкой у синагоги. На Ривке были те самые «мушки», которые были когда-то заложены Левитом. Гофман стал угрожать ей, что при всех сорвет с нее украшения и отнесет в полицию. Ривка, согласно показаниям свидетелей (Шлиомы Куреса и Абрамко Бадгена), отвечала, что он этого сделать не сможет, а, по словам Гофмана, грозила, «что за то она погубит его». Тогда Гофман сорвал с нее головной убор, побежал, но был пойман и отведен в полицию. Две недели спустя у Ривки случился выкидыш. Она и ее отец утверждали, что это произошло из-за инцидента у синагоги, и требовали взыскать с Гофмана компенсацию за расходы на лечение²². Впоследствии Ривка уверяла, что это Левит подговорил Гофмана сорвать с нее украшения²³.

¹⁷ Там же. Д. 795. Л. 2; Д. 909. Л. 1, 40 об.

¹⁸ Там же. Д. 909. Л. 32.

¹⁹ Там же. Л. 9, 28.

²⁰ Там же. Ф. 1345. Оп. 325. Д. 156. Л. 40.

²¹ Там же. Ф. 1347. Оп. 65. Д. 909. Л. 1.

²² Там же. Ф. 1345. Оп. 325. Д. 156. Л. 6–6 об., 8 об., 31, 40 об., 44 об. Согласно решению Волынского Главного суда по делу о нападении на Р. Дрогобицкую (4 марта 1822 г.), Гофман, был виновен также в святотатстве, так как совершил преступление «с неуважением даже места, то есть вблизи еврейской школы, установленной для принесения по еврейскому закону молитв, поступил в противность Статутам права» (Там же. Л. 46 об.-47). Примечательно, что постановления Литовского статута, относившиеся к «ограде» церкви христианских исповеданий, были распространены судом на пространство вокруг синагоги (Там же. Л. 14). Впоследствии дело поступило на апелляцию в Сенат, смягчивший наказание Гофману. В сенатском указе (11 ноября 1824 г.) вопрос о святотатстве не затрагивается (Там же. Л. 54).

²³ Там же. Оп. 65. Д. 1575. Л. 2 об.

После этого случая Левит снова сблизился с Темой Лейбовой, которая совсем недавно защищала своего родственника Гофмана и жаловалась властям на «обольщение» и «обман» Левита. Воспользовавшись отсутствием жены, гостившей у родителей в Дубно, Левит, сговорившись с Темой и чиновником Волынской Гражданской палаты титулярным советником Александром Высочанским, составили подложное долговое обязательство от имени Р. Дрогобицкой, якобы занявшей у Высочанского две тысячи триста рублей под залог дома. При оформлении сделки в Гражданской палате 13 марта 1818 г. Тема выдавала себя за Дрогобицкую. Ривка утверждала, что в Житомире о подлоге «все знали, но единодушно согласились на ее погубление»²⁴. 7 июня 1818 г. Ривка и ее отец Мошко Дрогобицкие подали протест в Волынский Главный суд, добиваясь, чтобы Левиту было запрещено брать что-либо в кредит под залог, так как все его имущество принадлежит его жене согласно «эвикционной записи»²⁵. 25 сентября того же года Левит приехал в Дубно за женой и якобы подделал доверенность от имени тестя его дочери Ривке на шестьсот шестьдесят четыре рубля ассигнациями и еще одно долговое обязательство Высочанскому²⁶. Мошко и Ита Дрогобицкие переехали в это время к дочери в Житомир. По словам Левита, его семейная жизнь была чередой «беспрерывных неприятностей». Жена и тесть с тещей якобы присвоили весь доход от сдачи комнат в доме Левита, а также приготовленное для его сестры приданое: «жемчужные мушки, высаженные бриллиантами», бриллиантовые серьги и три перстня, серебряные подсвечники, щипцы для сахара, кофейные ложки, ситечки, солонки, молочник, фарфоровый сервиз с позолотой, три шали, бархат, батист, шубы из красной и чернубурой лисы и принадлежавшие Левиту серебряные часы с репетиром и золотые часы, украшенные жемчугом, позолоченную серебряную табакерку и даже пенковую трубку²⁷. Ривка в свою очередь жаловалась, что ее муж «не исправляясь в худом своем поведении, не [только] свое движимое имение растратил, мой собственный гардероб, бриллианты, серебро, жемчуг и прочие мои вещи распродал». 13 мая 1822 г. она подала на супруга иск в житомирский магистрат. Левит в суд не явился и был за это оштрафован.

Затем, «не могучи уже переносить далее худого его со мной обхождения», рассказывала Ривка, она «потребовала у житомирских еврейских духовных развода». Но Левит отказывался выдать жене гет без уплаты ему крупного отступного (восемьсот пятьдесят рублей ассигнациями) и она, «чтоб купить себе спокойствие» была вынуждена выплатить ему эти деньги «в присутствии духовных»²⁸. Примечательно, что ни сам Левит, ни

²⁴ Там же. Л. 3 об.

²⁵ Там же. Оп. 64. Д. 909. Л. 1.

²⁶ Там же. Оп. 65. Д. 1575. Л. 3 об.-4.

²⁷ Там же. Оп. 64. Д. 909. Л. 9, 28 об.-29.

²⁸ Там же. Л. 1–1 об.

кагальный писарь Юда-Лейба Менделевич, ни подписавшие «разводное письмо» Гершко, Гилель и Сруль Иосиовичи не отрицали вымогательства со стороны Левита. Более того, они решились санкционировать развод лишь после того, как убедились, что Ривка Дрогобицкая уплатила Левиту всю требовавшуюся им сумму²⁹. Видимо, несмотря на то, что подобная практика, очевидно, противоречила традиции, в житомирской еврейской общине (а, возможно, и не только там), она в то время воспринималась как вполне допустимая. Выдача гета происходила в доме Левита в присутствии Мошко Дрогобицкого 5 июня 1822 г.³⁰

14 июня 1822 г. Р. Дрогобицкая подала на Левита иск в житомирский магистрат, требуя возратить ей приданое. Левит одновременно обвинил ее в краже ценностей на 23462 рубля серебром и пытался доказать, что никакого приданого не получал и, более того, Ривка при разводе отказалась от всяких денежных претензий к бывшему мужу и представил об этом свидетельство на иврите с переводом на польский³¹. Не добившись справедливости в магистрате, Дрогобицкая обратилась в Главный суд, а затем представила протест от «духовных» Ю.-Л. Менделевича и Г., Г. и С. Иосиовичей. В прошении в Главный суд 1 августа 1822 г., они, «видя, что, как религия, так и звание, в коем состоят, не позволяют действовать к обиде ближнего», признались, что после выдачи гета «духовный» Перец Иосиович Примейн (видимо, родственник Иосиовичей) по просьбе Левита «как видно, будучи привержен к Липе и действуя в обиду Рывке, собственно рукою написал Липе разводное свидетельство, уверяя, что оно точно такое, как и Рывке выдали, и как происходило при разводе, и так просители, в доброй вере, полагаясь яко на духовного, оное свидетельство подписали, а ныне осведомились, что в том свидетельстве, Липе данным, изъяснено, будто Рывка Мошковна приданого отреклась»³².

Левит обвинил бывших жену и тестя, что они привели в суд не житомирских «духовных», а «неизвестных» евреев, которые и выдали себя за Менделиовича и Иосиовичей, и почти через год, 6 июля 1823 г., представил в Главный суд прошение Ю.-Л. Менделиовича и Переца и Сруля Иосиовичей, объявивших, что никакого протеста не подавали и Дрогобицкая действительно отказалась от претензий на приданое. Отец Ривки, Мошко Дрогобицкий в своем прошении в Главный суд 10 июля 1823 г. требовал оштрафовать бывшего зятя за подлог, так как прошение было написано по просьбе Левита неким Александром Булгаком. Оказалось, впрочем, что подписи на прошении вроде бы подлинные, но Левит, вероятно, подкупил «духовных». Более того, судьи сочли, что свидетельство об отказе Дрогобицкой от приданого, даже если бы было подлинным, не имело бы силы

²⁹ Там же. Л. 32 об., 51.

³⁰ Там же. Л. 38.

³¹ Там же. Л. 1 об., 9 об., 28 об.-29.

³² Там же. Л. 51 об.-52.

согласно «Положению о евреях» 1804 г., поскольку денежное обязательство на еврейском языке «ни в каком судилище в довод принимаемо быть не может»³³. По этой логике, если бы обязательства Левита по ктубе не были предусмотрительно продублированы в нееврейских судах, Дрогобицкая могла бы полагаться только на бет-дин и общинное руководство. 28 июля 1823 г. Главный суд назначил Левиту срок для уплаты бывшей жене тысячи червонцев, т. е. большей части приданого, но также приказал выяснить, правдивы ли обвинения в краже. Это решение не устроило Дрогобицкую и она 14 мая 1824 г. подала в Сенат апелляцию на решение Волынского Главного суда. Поскольку она не знала «ни русской, ни польской, ни немецкой грамоты», ее прошение перевел «с данного просительницей польского сочинения» (т. е. еще кто-то по просьбе Дрогобицкой записал ее рассказ на польском) переводчик Волынского Главного суда титулярный советник И. А. Лебич-Хоецкий, а подписался «вместо ее, неграмотной» канцелярист Л. Липницкий. Дрогобицкая просила взыскать с Левита приданое в полном объеме, а также судебные издержки, и прекратить следствие по делу о якобы украденном ею имуществе бывшего мужа³⁴.

Все это время Ривка и ее родители продолжали жить в доме Левита, занятом ими в обеспечение долга, а сам он переселился на съемную квартиру в доме Менделя Лещинского на той же Бердичевской улице³⁵. 18 июня 1824 г., Левит, при попустительстве, а то и прямом участии полиции и членов магистрата, собрав около двухсот «праздно шатающихся людей разного звания и религии», вместе с упоминавшимся выше чиновником А. Высочанским напал на дом, где теперь жили Дрогобицкие. Нападавшие разграбили имущество Ривки и ее матери, «а может быть и жизни их лишили бы», если бы Ривка «чрез окошко не выскочила для объявления губернскому начальству». Но дело не получило продолжения «несмотря на жалобы ея и явные доказательства»³⁶. Месяц спустя, 18 июля 1824 г., Левит также подал апелляцию в Сенат на решение Волынского Главного суда. Его прошение было сначала написано на польском И. Вроблевским, а затем переведено на русский губернским секретарем С. К. Ромшиловским. Прощение было подписано самим просителем по-русски. Левит снова пытался доказать, что при разводе Дрогобицкая «столь была тронута совестью», что сама отказалась от приданого, и просил отменить решение Главного суда и взыскать судебные издержки с бывших жены и тестя³⁷. Сенат в 1826 г. утвердил решение о присуждении Дрогобицкой тысячи червонцев, а прочие жалобы бывших супругов друг к другу признал «бездо-

³³ Там же. Л. 10, 59–61. 56. Эти же доводы повторены в прошении Р. Дрогобицкой Сенату 14 мая 1824 г. (Там же. Л. 1 об.).

³⁴ Там же. Л. 1–3 об.

³⁵ Там же. Л. 9.

³⁶ Там же. Оп. 65. Д. 1575. Л. 4 об.-5 об.

³⁷ Там же. Оп. 64. Д. 909. Л. 9–10 об.

казательными» и оставил «без уважения»³⁸. Левит же, убедившись, что дом ему отсудить не удастся, «видя себя в неблагоприятных обстоятельствах» и, как предполагала Р. Дрогобицкая, получив от Высочанского деньги, «скрылся неизвестно куда», а Высочанский в силу долгового обязательства Дрогобицкой, возможно, в свое время подделанного ее мужем, занял ее дом, ранее принадлежавший Левиту. Тяжба Дрогобицкой с Высочанским тянулась до 1832 г.³⁹

Имущественный конфликт между супругами не всегда заканчивался разводом. Примером этого может послужить история семьи Ландисманов из Каменца-Волынского. У фактора Гершко Вольфовича было три сына: Ицик-Бер (Ицко), Шлема и Шмуль и дочь Хая, жена Абрамко Берковича Ландисмана (Ляндысмана). Примечательно, что братья Хаи носили ту же фамилию, что и ее муж. 11 августа 1795 г. Вольфович купил у мещан Гулинских за 54 злотых деревянный дом, находившийся на земле, принадлежавшей Волынскому лицее⁴⁰. По утверждению Хаи, после смерти отца дом достался ей «по условию между наследниками»⁴¹. 7 августа 1816 г. Ицик-Бер от своего имени и от имени брата Шлемы заключил договор с мужем сестры о том, что уступит ему дом, если А. Ландисман починит его на свои средства и вдобавок выплатит братьям жены 45 рублей серебром. Ландисман уговорился о починке старого дома и постройке новых зданий со Шмулем Лейбовичем Манусовичем (в документах двойное отчество) Гольденбергом, но между ними в 1818 г. возник конфликт из-за долга, а также доходов с находившегося на том же земельном участке другого деревянного дома, который Абрам и Хая Ландисманы сдавали «для содержания себя с детьми». Участники конфликта «согласились на полюбовный или третейский суд». Ш. Гольденберг и супруги Ландисманы (а если верить Хае Ландисмановой, то только ее муж), 25 апреля 1818 г., «пришедши в дом Хаима Авербойха и нашедши там Гершка Клюдмана, просили обоих, чтоб разрешили спор»⁴². Затем Гольденберг представил в магистрат «компромиссарскую запись», согласно которой стороны, предоставляя Авербойху и Клюдману «совершенную власть, в самоскорейшем времени учредить присутствие, стороны, входящие в сию запись, вызвать к записанию явки, велеть объяснить дело, следствие, буде нужным окажется, произвести, и место в случае надобности осмотреть, словом, ничего не оставляя в молчании, окончательно решить, каковым решением стороны имеют довольствоваться без всякой апелляции»⁴³.

³⁸ Там же. Л. 69–69 об.

³⁹ Там же. Оп. 65. Д. 1575. Л. 6 об.-7, Л. 1, 23–24.

⁴⁰ Там же. Оп. 64. Д. 851. Л. 13, 21.

⁴¹ Там же. Л. 22 об.

⁴² Там же. Л. 19, 1, 15 об, 21 об., 22.

⁴³ Там же. Л. 21 об.

Тем временем, братья Хаи, несмотря на то, что А. Ландисман собрался уплатить им обещанные 45 рублей, отказывались оформить «вечнопродажную сделку» на дом, и, пытаясь выжить зятя из дома, чинили ему «разные неприятности». А. Ландисман 10 февраля 1819 г. пожаловался на них в кременецкий магистрат, доказывая, что Ицик-Бер дом «брату жены своей переуступил». Если это не описка в документе, то получается, что Ицик-Бер был женат на сестре своего зятя Абрама. А. Ландисман не забыл также отметить, что, поскольку сделку с ним заключал брат жены, «не вспоминая ничего о сестре своей Хае», его жена не имеет прав на дом, а если считает это несправедливым, то пусть судится с братьями⁴⁴. По делу же Ландисманов с Гольденбергом состоялся третейский суд. Гольденберг требовал выделить ему часть доходов с дома, пока не выручит спорные 110 рублей серебром. А. Ландисман утверждал, что Гольденберг условий уговора не выполнил, потратил на ремонт не 110, а 85 рублей, и не построил нового дома. За неимением свидетелей третейский суд 23 апреля 1819 г. потребовал, чтобы А. Ландисман «в еврейской школе» (синагоге) «исполнил присягу» в том, что это так и уплатил Гольденбергу наличными 115 рублей: 85, потраченных Гольденбергом и 15 как часть дохода, полученного к тому времени от сдачи дома, а если не желает приносить присягу, то должен уплатить Гольденбергу требуемые 110 рублей. В случае же неуплаты третейский суд присудил Гольденбергу половину дома и земли⁴⁵. Хая Ландисманова обратилась с жалобой на решение третейского суда к владельцам земли — администрации Волынского лицея, требуя «усторонения Гольденберга из дома и грунта». Владельцы 12 сентября 1819 г. признали решение третейского суда незаконным, поскольку земля относилась к неделимому эдукационному фонду⁴⁶. А 10 ноября 1819 г. Хая подала иск к своему мужу, Гольденбергу и третейским судьям в Кременецком магистрате об отмене третейского решения, «потому что муж ея сговорился с Гольденбергом лишить ея имущества, после отца оставшегося и от братьев приобретенного», а третейский суд состоялся без ее ведома. Гольденберг возражал, что Хая в третейском суде присутствовала, а дом находится в общем ее с мужем владении⁴⁷. В дальнейшем же Хая с мужем выступали на одной стороне в своей тяжбе с Гольденбергом и третейскими судьями⁴⁸. Волынский Главный суд в итоге, 11 июля 1823 г., постановил, что дом «составлял собственность одной Хаи, а не мужа ея», поэтому Гольденберг не имел права заключать «словесное условие» только с А. Ландисманом, а решение третейского суда недействительно по той же причине⁴⁹.

⁴⁴ Там же. Л. 1 об.

⁴⁵ Там же. Л. 22–22 об.

⁴⁶ Там же. Л. 22–23 об.

⁴⁷ Там же. Л. 23–23 об.

⁴⁸ Там же. Л. 24 об.

⁴⁹ Там же. Л. 25. Недовольный этим решением Ш. Гольденберг подал апелляционную жалобу в Сенат (там же. Л. 1–5). Чем закончилась тяжба, нам пока неизвестно.

Сложные отношения между братьями демонстрирует казус, приключившийся в Минске. Ратман Зельман Гиршович Рубинчик, «изобильный в затях», как охарактеризовали его чиновники минского магистрата, в 1823 г. подал жалобу на своего брата Лейбу Гиршовича Рубинчика, который якобы в сообщничестве со «школьником» (шамесом) минского кагала Леймой Лейбовичем Гурвичем подделал векселя на имя Зельмана и его жены Риси Янкелиовой. По словам Зельмана, он приобрел у Лейбы кирпичный завод при посредничестве Гурвича, но затем Гурвич и Л. Рубинчик подделали «мемраны» (денежные обязательства) таким образом, что оказалось, что Зельман и Рися взяли у Л. Рубинчика деньги в долг наличными. Поскольку у чиновников магистрата, очевидно, были давние счета с З. Рубинчиком (они утверждали, что «им довольно известны по делам извороты еврея Зельмана Рубинчика»), неудивительно, что магистрат, а затем Главный суд признали векселя подлинными. З. Рубинчик и его жена пытались оспорить это решение в Сенате⁵⁰.

Иногда по нарративам участников семейного конфликта, отразившимся в судебных материалах, можно реконструировать жизненные траектории нескольких поколений и ветвей одной семьи. Так, семейная история Абрама Рабиновича прослеживается примерно со второй половины XVIII в. Мортхель (Марк) Мовшович женился на Гитле Евзелиовой из Шклова и переселился к тестю. От этого брака у него был сын Гамшей (Авсей, Гавсей). После смерти жены Мовшович переехал в Смоляны, а затем в Полоцк и был еще трижды женат. От третьей жены у него был сын Михель, а последней, четвертой, его женой была Гута Зеликова, дочь полоцкого раввина⁵¹ Арона-Зелига бен Арье⁵². У них были сын Абрам, дочь Сейна и, видимо, другие дети. Неясно, от какого брака Мовшовича родился Осер, умерший бездетным при жизни отца. У Михеля было две дочери: Цыва, которая вышла замуж за жителя Вильно Берко Тылеса, и Груня, жена Гирша Липкина (Липника) из Борисова⁵³. Гамшей проживал с отцом в Полоцке и умер молодым, оставив малолетних сыновей Вульфа и Шмуйлу и дочерей Цыпу и Цырку. Вульф жил в доме деда вместе со своим дядей Абрамом (видимо, его ровесником) до своей женитьбы на Соре Ицковой и переезда к тестю в Шклов (не ранее 1795 г.). Шмуйла был женат на Цыпе Зевелевой из Полоцка и умер не ранее 1810 г., оставив малолетнего сына Мордуха (Мортхеля) и нескольких дочерей⁵⁴. Абрам Рабинович в августе 1796 г. женился в местечке Гороховка на Ельке Мовшовой и записал ей по ктубе «310 голландских червонных, кроме всех уборов,

⁵⁰ Там же. Д. 893. Л. 1–4 об.

⁵¹ Там же. Д. 2132. Л. 37 об.-39, 71–72.

⁵² Упоминается в: *Nadler A. The Faith of Mithnagdim. Rabbinical Responses to Hasidic Rapture.* Baltimore, 1999. P.178.

⁵³ РГИА. Ф.1347. Оп.64. Д. 2132. Л. 60–60 об.

⁵⁴ Там же. Л. 45–46.

дорогих камней и жемчуга к наряду ей и к постеле принадлежащих», а несколько лет спустя, в 1801 г., оформил вексель на имя жены еще на 100 червонцев⁵⁵. В 1804 г. «когда велено евреям принять фамилии», Вульф, который «производил торг солью...принял от оной фамилию Зельцера, а... Абрам Маркович принял фамилию матери, Рабиновича». А. Рабинович, именуемый в некоторых документах «рабином»⁵⁶, видимо, все-таки не был городским раввином Полоцка, как его дед, и занимался больше торговлей, чем изучением Гемары. Рабинович с женой прожили 24 года в бездетном браке⁵⁷. Он взял к себе Михеля, маленького сына его умершего дяди по матери Янкеля Рабиновича, «которого малолетнего оженил». Михель умер «по недостижении совершенных восемнадцати лет», оставив дочь Гутерейзу (Гуте-Рейзу), а имущество, доставшееся ему от отца, включая дом и землю («пляц»), было присвоено и распродано А. Рабиновичем (по утверждению зятя Я. Рабиновича Носона Рабиновича)⁵⁸. Двоюродные братья А. Рабиновича, витебские мещане Габриель и Рафаил Рабиновичи, также впоследствии пытались доказать, что А. Рабинович, будучи их опекуном, присвоил крупную сумму из причитавшегося им наследства, вещи и документы их покойного отца⁵⁹. А. Рабинович присвоил и драгоценности и деньги умершей племянницы, оставленные ему на хранение, если верить бывшему мужу этой племянницы полоцкому мещанину Шлюме Дракину. В то же время А. Рабинович содержал до замужества осиротевших дочерей племянницы⁶⁰. После смерти брата его жены Лейбы Шаршовского (около 1815 г.) он взял к себе его маленькую дочь Розославу (Розу-Славу) и она, по ее словам, пять лет «трудилась как в домашнем хозяйстве, так в лавках и на ярмонках по торговле, как родная дочь». Рабинович якобы обещал ей приданое в шесть-семь тысяч рублей и уже начал искать ей жениха⁶¹. К 1820 г. А. Рабинович был бургомистром полоцкого магистрата и владел каменным домом с погребом ценой пять тысяч рублей, двумя деревянными домами по тысяче рублей и двумя каменными лавками по 500 рублей каждая. В доме его были такие предметы роскоши, как «часы стенные с футляром красного дерева петербургской работы», «бильярд с шарами и киями», «канapé, обитое кожей». По слухам, состояние Рабиновича достигало 100 тысяч рублей⁶². 20 апреля 1820 г. А. Рабинович скоропостижно скончался, не оставив завещания. Согласно показаниям его жены

⁵⁵ Там же. Л. 72–72 об., 54–56 об., 47–47 об.

⁵⁶ Также известно, что в одном из домов А. Рабиновича располагалась молельня («еврейская школа»; Там же. Л. 351 об.)

⁵⁷ Там же. Л. 52 об.-53, 47.

⁵⁸ Там же. Л. 163 об.

⁵⁹ Там же. Л. 30–30 об.

⁶⁰ Там же. Л. 168 об.-169.

⁶¹ Там же. Л. 50–51 об.

⁶² Там же. Л. 4, 58–59 об., 171.

и приказчика Ирмы Вульфсона это произошло «при многом собрании людей», в числе которых были и «полоцкие рабины» Ицка Менделиович и Гирша Аронович Илинтомер. Имущество Рабиновича тут же было опечатано, а вдова якобы только забрала при свидетелях сундучок с одеждой и бельем⁶³. А племянник покойного Вульф Зельцер обвинял ее в том, что она, воспользовавшись отсутствием других наследников, «пригласила подручных ей евреев для запечатывания, какое ей только было угодно объявить имение»⁶⁴. Вскоре в полоцкий магистрат явились как кредиторы Рабиновича, так и родственники, претендовавшие на наследство. Первыми о своих правах заявили двоюродные братья покойного Габриель и Рафаил Рабиновичи, затем Берка Тылес по доверенности своей жены Цывы Михелевой и Вульф Зельцер. Магистрат потребовал у просителей «метрики», доказывающие их родство с Рабиновичем, хотя ратман Вульф Гинзбург и пояснил, что метрических книг у евреев нет. Зельцер представил свидетельство «от тамошних духовных членов и шести человек граждан на еврейском диалекте, писанное кагалным верником Менделем Барканом»⁶⁵, а затем еще одно от 23 человек и письмо к нему от А. Рабиновича, где тот называл его своим племянником. Тылес также представил свидетельство от двух полоцких духовных и двух мещан «на еврейском диалекте с переводом того ж верника Баркана». А вдова Рабиновича, Елька, претендуя на половину наследства, утверждала, что большая часть оставшегося имущества была приобретена ею вместе с супругом. Ее племянница Розе-Слава Шершовская просила выделить из имущества якобы обещанное ей покойным приданое. Сестра А. Рабиновича Сейна утверждала, что наследницами являются только она и ее племянница Гуте-Рейза, «ибо происходят из одной фамилии Рабиновичев». На наследство претендовали также племянницы А. Рабиновича, сестры Вульфа Зельцера, вдовы Цыпа из Могилева и Цырка из Велижа и Иосель Липкин по доверенности своей матери вдовы Груни Михелевой.

30 июня 1820 г. Зельцер донес в магистрат, что вдова Рабиновича Елька Мовшова собирается вывезти из города сокрытые ею при опечатывании имущества бриллианты, жемчуг, серебро и прочее. Ее обязали подпиской о невыезде. Затем Б. Тылес и Зельцер и жена Зельцера Сора несколько раз доносили на Ельку, что она сговорила с кредиторами покойного мужа «как правильными, так и сомнительными» «в обиду наследников». 3 июля 1820 г. вдова Шмуыллы, Цыпа, и ее брат Симон Зевелев Гинзбург просили назначить опекуна к десятилетнему сыну Цыпы, Мордуху, что вызвало недовольство дяди мальчика В. Зельцера. По словам Зельцера, назначенный опекуном Герц Шик «имел дружескую связь» со вдовой Рабиновича Елькой

---

⁶³ Там же. Л. 385, 74 об.-76.

⁶⁴ Там же. Л. 4.

⁶⁵ Там же. Л. 29–37 об.

Мовшовой⁶⁶. Наконец, 14 марта 1821 г. магистрат объявил наследниками в равных долях Зельцера, его сестер и племянника Мордуха, а также Груню и Цыву Михелевых, но обязал их представить доказательства родства с А. Рабиновичем. Ельке Мовшовой присудили седьмую часть имущества как бездетной вдове и полагающиеся ей по «веновой записи» (ктубе) 410 голландских червонцев. Розе-Славе Шершовской постановили выделить в приданое 2500 рублей, половину товаром, а другую половину взыскать из долгов Рабиновича. Претензии всех прочих наследников были признаны «неосновательными». Зельцер и сестры Михелевы остались недовольны решением магистрата. Зельцер утверждал, что Михелевы не имеют прав на наследство, и что имущество Рабиновича расхищено членами магистрата, поскольку по официальной оценке наследство составляло всего 37607 рублей, а не 100 тысяч, о которых «носился достоверный слух». Герц Шик, опекун Мордуха Шмуйловича, уверял, что магистрат утаил часть долговых расписок должников Рабиновича, а опечатанные товары портятся «от мышей и моли». Тем временем (не позднее 15 июля 1821 г.), умерла Елька Мовшова, и наследники Рабиновича стали претендовать также и на ее наследство, но вынуждены были в итоге уступить ее племяннице Розе-Славе Шершовской. Наследники Рабиновича «окончили миролюбно» процесс о наследстве только в 1830 г.⁶⁷

Скандалная история приключилась в семье гродненского третьей гильдии купца Довида-Гирши Броудо (Броуда, Брауда). У него с его женой Добой-Малкой было восемь детей: Нахман, Рейзка-Йохвед (Рейса, Рейска, Реска), вдова умершего в 1832 г. Иоселя-Хаима Гальберштата, Рохля, ставшая женой Зельмана Перлиса из влиятельного гродненского семейства Перлисов, Либе-Сора (Либе-Сорка), замужем за Мовшей Айзенштагом, и несовершеннолетние Арон-Лейба, Беньямин-Бер, Абрам-Вольф, Гадас и Мария-Лея⁶⁸. Младшие дети Броудо впоследствии утверждали, что их сестра Рейска еще при жизни отца вступила в любовную связь одновременно с заседателем Гродненского уездного суда отставным поручиком помещиком В. М. Костялковским (Косцялковским) и подрядчиком Янке-

⁶⁶ Там же. Л. 43 об.-44 об., 72 об., 45–47 об., 5.

⁶⁷ Там же. Л. 2–9, 99–147, 411–462 об. Прошение, поданное В. Зельцером в Сенат 7 мая 1824 г., «переписывал» поверенный шкловских евреев (а затем евреев Могилевской губернии) Давид Ауербах (см. о нем: *Минкина О. Ю.* Сыны Рахили... С. 198). Единственный сын В. Зельцера, Липман Зельцер, был известным штадланом. В семейных воспоминаниях сохранился рассказ о негативной реакции В. Зельцера на «панский сюртук» (т. е. европейскую одежду) его сына. История о происхождении фамилии Зельцера в этих мемуарах совпадает с изложенной в свидетельстве полоцкого кагала (Липман Зельцер Д. З. Из семейных воспоминаний // Еврейская старина. 1911. Вып. 2. С. 292 (примечание 2), 296).

⁶⁸ РГИА. Ф. 1347. Оп. 66. Д. 1594. Л. 5 об., 19 об. В одном месте рапорта Гродненской палаты гражданского суда 11 июня 1837 г. явная описка: «Ривка-Сора» вместо «Либе-Сора» (Там же. Л. 19 об.).

лем Данцигом (Данцьком), содержателем почтовой станции, человеком, как они утверждали, «вздорным, беспокойного нрава и утруждаателем начальства своими ложными и неосновательными прошениями». Узнав об этом, отец Рейски тяжело заболел и «через величайшее огорчение окончил прежде времени жизнь свою» 5 июля 1834 г.⁶⁹

Нахман и Рейска предлагали свою версию событий: их отец заболел летом 1833 г. и последние месяцы своей жизни был парализован и лишился дара речи и рассудка⁷⁰. Когда же он умер, в дом явились родственники его зятя З. Перлиса, члены погребального братства⁷¹, стремившиеся «воспользоваться капиталами умершего» и спрашивали Добу-Малку, не оставил ли ее муж завещания. Вдова якобы отвечала, что завещания нет. И, наконец, Янкель Данциг, уверяя, что покойный Д.-Г. Броуда был его лучшим другом, обвинял Добу-Малку в том, что она довела своего мужа до болезни. Броуда якобы жаловался Данцигу, что его жена психически больна и «растрчивает беспрерывно деньги и другие вещи» и просил привести его старшего сына Нахмана и позвать раввина или другого надежного человека для составления завещания и назначения опекунов над имуществом, но Данциг не успел это сделать до того, как у Броудо отнялся язык. Наследство Броудо, по словам Данцига, составляло до сорока тысяч рублей серебром⁷².

13 ноября 1835 г. вдова Броудо представила в Гродненский уездный суд завещание мужа, утверждая, что обнаружила его в бумагах покойного. В завещании, датированном вторым октября 1833 г., объявлялось, что старшим детям Броудо: Нахману, Рейске, Рохле и Либе-Соре еще при жизни отца были выделены полагающиеся им части имущества, и они не могут претендовать на наследство. Вдове же предоставлялось право распорядиться наследством, составляющим пять тысяч рублей ассигнациями, и выделять из него доли пяти младшим детям⁷³. До этого Я. Данциг пытался уговорить Добу-Малку назначить опекунов над имуществом ее покойного мужа, а Нахман и Рейска просили выделить им часть наследства. В свою очередь, зятя Броудо Перлис и Айзенштат настраивали тещу против старших сына и дочери. В ночь с 23 на 24 декабря 1835 г. Рейска, Костялковский и Данциг вместе с «толпою ямщиков» с содержавшейся Данцигом почтовой станции напали на дом Добы-Малки, избили ее и ее младших

⁶⁹ Там же. Л. 16 об.-17, 15.

⁷⁰ Там же. Л. 15. По-видимому, речь идет об инсульте.

⁷¹ О злоупотреблениях членов гродненского погребального братства, в т. ч. Хаима Перлиса и упоминаемого в связи со смертью Д.-Г. Броудо Зельмана Эпштейна см.: *Соболевская О., Гончаров В.* Евреи Гродненщины: жизнь до Катастрофы. Донецк, 2005. С. 74.

⁷² РГИА. Ф. 1347. Оп. 66. Д. 1594. Л. 15, 28–28 об. В прошении Я. Данцига в Гродненскую палату гражданского суда упоминается о том, что Д.-Г. Броудо лечил знаменитый врач Самуил Кушелевский, первый еврей, получивший степень доктора медицины Виленского университета.

⁷³ Там же. Л. 5–6 об.

детей. При этом Рейска сорвала с шеи матери пять ниток жемчуга, стоивших несколько сотен рублей серебром. В ту же ночь Доба-Малка подала жалобу губернатору⁷⁴, а Нахман и Рейска 27 января 1837 г. — прошение в Гродненскую палату гражданского суда. Они утверждали, что после их отца осталось сорок тысяч рублей серебром, которые утаила их мать вместе с зятьями, и оспаривали подлинность завещания. Перлис, Айзенштат и их родственники якобы стремились оклеветать свою конкурентку Рейску, которая, оставшись вдовой с двумя маленькими дочерьми «при самомалейшем капитале», сумела приумножить его «трусами и старанием чрез коммерческие обороты», и ее компаньона Данцига⁷⁵. Младшие же дети Броудо жаловались, что Рейска похваляется, что добьется, чтобы их мать объявили «слабоумною» и просили учинить повальный обыск местных обывателей и удостовериться, что Доба-Малка «находится, как и всегда, в здравом рассудке» и даже никогда не болела и не обращалась к врачам, а также «изыскать средство для разделения зловредной и постыдной... тройной связи» Рейски, Костялковского и Данцига. Любовники якобы выманивали у Рейски деньги. «По причине худого и повсеместно известного ее поведения» младшие братья и сестры просили назначить опеку над имуществом Рейски⁷⁶.

Костялковский, в свою очередь, был возмущен жалобой на него Зельмана Перлиса, мужа Рохли, сестры Рейски, и еще шести гродненских евреев на то, он ведет «развратную жизнь» с Рейской и Данцигом и участвовал в нападении на дом Добы-Малки. По его словам, З. Перлис, заняв у него тысячу рублей, уклонялся от уплаты долга и утверждал, что денег не занимал. Костялковский хотел принудить Перлиса, «чтобы он на заперательстве своем исполнил присягу в духовном еврейском суде». «Нападением» же евреи называют его визит к Перлису (очевидно, проживавшему в доме тещи) за деньгами. Костялковский требовал наказать Перлиса за клевету и выяснить, не заставлял ли он младших братьев и сестер Рейски подписывать жалобы на нее, либо сам расписался за них без их ведома⁷⁷. После того, как Гродненская палата гражданского суда потребовала от магистрата провести дополнительное расследование, Нахман Броудо объявил, «что он по-польски и по-русски грамоты не знает» и никаких жалоб на мать не писал, «только полагаясь на сестру свою Рейску», которая велела ему подписать прошение, точного содержания которого он не знал, и попросил подписаться вместо него по-польски некоего еврея Шимеля, связанного с Данцигом. Но затем Нахман признался гражданской палате, что на допросе в магистрате его заставили дать ложные показания. Опекуном младших братьев и сестер он стать отказывался, чтобы «не оскорбить

⁷⁴ Там же. Л. 29, 15, 16–17, 1.

⁷⁵ Там же. Л. 12 об. -16 об.

⁷⁶ Там же. Л. 16 об.-18.

⁷⁷ Там же. Л. 18–18 об.

матери» и «не вооружить против себя род Перлисов, значительную часть города составляющих» и якобы оклеветавших его сестру⁷⁸. «Город» здесь, очевидно, обозначает, верхушку еврейской общины Гродно. 4 июня 1837 г., Гродненская гражданская палата, обвинив магистрат в содействии Добе-Малке, отказалась установить опеку над имуществом Рейски и потребовала подлинник завещания и опись имущества, оставшегося после мужа Рейски, Иоселя-Хаима Гальберштата⁷⁹. Доба-Малка дважды безуспешно подавала прошения в Сенат, предоставивший дело нижним инстанциям, а на спорное имущество был наложен арест. Гражданская палата также поручила магистрату и сиротскому суду учредить опеку над детьми Рейски⁸⁰. Исход этого дела нам пока неизвестен.

Во всех изложенных сюжетах вмешательство нееврейских властей и попытки регламентации ими семейных практик происходили по инициативе самих участников, пытавшихся использовать новые имперские правовые нормы для достижения своих целей. Отметим, что в некоторых случаях мы можем наблюдать сотрудничество общинной верхушки или отдельных евреев с властью в сугубо частных и регулировавшихся традицией вопросах еще до того, как произошел конфликт (например, дополнение ктубы или решения раввинского суда оформлением аналогичного документа в магистрате). Документы на еврейских языках, формально не имевшие законной силы, могли в ряде случаев признаваться действительными в общих судах. Члены ратуш и магистратов в те времена нередко сами были евреями, а неевреи из местных органов управления могли быть связаны с общиной экономическими интересами либо находиться с евреями в личном конфликте, что неизбежно оказывало влияние на ход судебного дела, регулировавшегося по большей части не писанным законом, а сложившейся на месте ситуацией, переплетением интересов и возможностей (в том числе и финансовых) отдельных участников процесса. При всем несовершенстве судебной системы, слабых шансах на победу, огромных затратах и опасностях отдельные евреи тем не менее выбирали этот путь и даже иногда добивались успеха.

Если само обращение к властям в еврейском семейном конфликте можно признать явлением нечастым для изучаемого периода, то насколько типичны сами эти конфликты, отразившиеся в описанных материалах? И какие явления можно признать характерными именно для того времени? Ответы на эти вопросы, безусловно, требуют более обширной выборки источников. Однако уже при анализе отдельных судебных казусов открывается поле для анализа характерных социальных паттернов. Так, отношение общины к девиациям очевидным образом зависело от статуса

---

⁷⁸ Там же. Л. 24–25 об.

⁷⁹ Там же. Л. 31 об.-35.

⁸⁰ Там же. Л. 1–4 об., 9–11 об., 176–178.

того, кто являлся жертвой: если это была женщина из «чужой» общины, не имевшая на новом месте устойчивых социальных связей, понятно, почему явное нарушение по отношению к ней как еврейских традиционных, так и общеправовых норм могло восприниматься спокойно и едва ли не с одобрением. Часть общины могла обличать девианта перед властями, а часть по каким-то причинам быть на его стороне. В каждом случае могло отличаться отношение к внебрачной связи, конфликту детей с родителями, братьев с сестрами. Галахические правила могли использоваться едва ли не столь же вариативно, сколь польские и российский законы.

И, наконец, двигаясь от источника, можно рассматривать затронутые социальные и правовые проблемы в отражении опыта конкретных семей и личностей. Изучение совокупности отдельных жизненных опытов, семейных и индивидуальных историй позволяет уйти от обобщенной истории больших структур («государства», «еврейского общества») к постепенной реконструкции (насколько это возможно) отдельных жизненных сценариев выходцев из верхов и низов, еврейских мужчин и женщин в их взаимодействии и борьбе с общиной, местным окружением, властями, друг другом и условиями, определявшими жизнь евреев в Российской империи.

Библиография

Левитац И. Еврейская община в России (1772–1917). М., 2013.

Минкина О. Ю. Сыны Рахили. Еврейские депутаты в Российской империи. 1772–1825. М., 2011.

Соболевская О., Гончаров В. Евреи Гродненщины: жизнь до Катастрофы. Донецк, 2005.

Фриз Ш. Р. Еврейская семья в России // История еврейского народа в России. От разделов Польши до падения Российской империи. Т. 2. М., 2012. С. 241–264.

Штаммфер Ш. Семья, школа и раввины у евреев Восточной Европы. М., 2014.

Соболевская О. А. Повседневная жизнь евреев Беларуси в конце XVIII-первой половине XIX вв. Гродно, 2012.

Freeze Ch.R. Jewish Marriage and Divorce in Imperial Russia. Hanover, N. H., 2002;

Goldberg J. Jewish Marriage in Eighteen-Century Poland // Polin. 1997. Vol. 10. P. 3–39.

Nadler A. The Faith of Mithnagdim. Rabbinical Responses to Hasidic Rapture. Baltimore, 1999.

Bibliography

Russian State Historical Archive. F. 1284. Op. 3. Kn. 71. 1809. D. 402; F. 1345. Op. 325. D. 156; F. 1347. Op. 64. D. 795, 851, 893, 909, 2132, Op. 65. D. 1595, Op. 66. D. 1594

The Central Archives for the History of the Jewish People. HM3/1015.01

Lipman Zeltser, D. Z. (1911) Iz semeinykh vospominaniy [Lipman Zeltser D. Z. From the Family Memoirs], *Evreyskaya starina* 2.

Freeze, Ch. R. (2002) *Jewish Marriage and Divorce in Imperial Russia*, Hanover, N. H.

Freeze, Ch R. (2012) *Evreyskaya sem'ya v Rossii* [Jewish Family in Russia]. *Istoriya evreyskogo naroda v Rossii* [History of the Jews in Russia], Vol. 2, Moscow

Goldberg, J. (1997) *Jewish Marriage in Eighteen-Century Poland*, *Polin* 10.

Levitats, I. (1943) *The Jewish Community in Russia. 1772–1844*, New-York.

Minkina, O. (2011) *Syny Rakhili. Evreyskie deputaty v Rossiyskoy imperii. 1772–1825* [Jewish Deputies in the Russian Empire. 1772–1825], Moscow.

Nadler, A. (1999) *The Faith of Mithnagdim. Rabbinical Responses to Hasidic Rapture*, Baltimore.

Sobolevskaya, O. (2012) *Povsednevnyaya zhizn' evreev Belarusi v kontse XVIII-pervoy polovine XIX vv.* [Everyday Life of Belorussian Jews in late 18th — early 19th centuries], Grodno.

Sobolevskaya, O., Goncharov, V. (2005) *Evrei Grodnenshchiny: zhizn' do Katastrofy* [Jews of Grodno Region: Life before Catastrophe], Donetsk.

Stampfer, S. (2010) *Families, Rabbis, and Education: Traditional Jewish Society in Nineteenth-Century Eastern Europe*, Oxford.